

ГІСТОРЫЯ HISTORY

УДК 1:304.5
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>

Поступила в редакцию 02.06.2020
Received 02.06.2020

П. А. Барахвостов

Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ: ОПЫТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ТРАНСПЛАНТАЦИЙ

Аннотация. Проанализирована эволюция институциональной матрицы ВКЛ, в которой выделены два этапа. На первом из них (дофедеративном) важную роль играла диффузия институтов, в первую очередь из Королевства Польского. Второй этап связан с вхождением ВКЛ в состав Речи Посполитой. Показано, что следствием образования федерации социумов с различным типом доминирующих институтов явилась трансплантация институтов экономически более развитого государства на другого участника союза. Подобная интеграция привела не только к положительным эффектам, но и к мутации трансплантированных институтов (усилению эксплуатации крестьянства при переходе к более прогрессивному фольварочному типу хозяйства). Перенесение западноевропейской системы наследования стало институциональной ловушкой, обусловившей широкое распространение подобных отдельным государствам ординаций, владельцы которых на микроуровне (в пределах своих хозяйств) опирались на редистрибутивные институты, а на макроуровне (государства в целом) для укрепления своих экономических позиций активно использовали рыночные политические институты.

Особенности политической сферы обусловили трансформацию социокультурной подсистемы институциональной матрицы ВКЛ. Усилилась экспансия католицизма, размывшая характерную для ВКЛ веротерпимость. Пришедшие из Польши в ВКЛ элементы субсидиарной идеологии понимались как предоставление исключительных прав только шляхте; приобщение к «золотым вольностям» отождествлялось с переходом в католичество и использованием польского языка.

Следствием проводимой центральной властью политики стали колонизация и окатоличивание состоятельного сословия; массовое недовольство малоимущих слоев населения, вылившееся в народные восстания XVII века; совпадение границ имущественных страт с конфессиональными и языковыми, что перенесло проблему социального неравенства в национальную плоскость и обусловило проявления межнациональной розни на землях бывшего ВКЛ в последующие столетия.

Отсутствие эффективного государственного управления трансплантацией институтов обусловило институциональный кризис, который в условиях разобщенности политических элит явился причиной распада всей образованной социальной системы.

Ключевые слова: институциональная матрица, базовые институты, трансплантация институтов, институциональный кризис, редистрибутивная экономика, рыночная экономика

Для цитирования: Барахвостов, П. А. Великое Княжество Литовское: опыт институциональных трансплантаций / П. А. Барахвостов // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2020. – Т. 65, № 4. – С. 424–431. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>

Pavel A. Barakhvostov

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

GRAND DUCHY OF LITHUANIA: INSTITUTIONAL TRANSPLANTATION EXPERIENCE

Abstract. This paper analyzes the evolution of the institutional matrix of the GDL and establishes two stages in it. The first (pre-federative) is characterized by institutional diffusion, from the Kingdom of Poland in the first place, whereas the second is linked with the formation of the Commonwealth of Poland and Lithuania. It is shown that, as the formed federation united societies with distinct types of dominating institutions, institutional transplantation occurred from the more

economically developed country to the other. Such integration leads not only to positive implications but also to the mutation of the transplanted institutions (strengthening of serfdom during the transition to the more progressive *folwark* agriculture). Transfer of the Western European system of *fideicommissum* inheritance turned out to be an institutional pitfall since the indivisible manors – *ordynacii* – presented a case of a state within a state, with their owners relying on the redistributive institutions at the microlevel (within their estates) and pursuing the market institutions at the macrolevel (within the country as a whole) in order to cement their economic position.

Peculiarities of the political sphere conditioned the transformation of the socio-cultural subsystem of the GDL's institutional matrix. Roman Catholicism expanded rapidly, undermining the religious tolerance that the Grand Duchy had hitherto been known for. The elements of subsidiary ideology, coming from Poland, were understood as giving exceptional rights only to the *szlachta* stratum; acquisition of *the golden liberties* was equated with conversion to Catholicism and the use of the Polish language.

The consequences of these policies were the following: Polonization and mass conversion to Catholicism among the propertied classes; widespread resentment among the worse-off, morphing into popular uprisings in the XVII century; alignment of property, confession, and language groups in the society, which moved the social inequality issue into the ethnic dimension and contributed to interethnic strife in the lands of the former GDL in the centuries to come.

The absence of efficient governmental management of institutional transplantation caused an institutional crisis, which, with the political elites being disunited, was the reason for the entire social system to disintegrate.

Keywords: institutional matrix, basic institutions, institutional transplantation, institutional crisis, redistributive economy, market economy

For citation: Barakhvostov P. A. Grand Duchy of Lithuania: institutional transplantation experience. *Vesti Natsyonal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2020, vol. 65, no. 4, pp. 424–431 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-4-424-431>

Введение. Сложный период трансформации институциональной среды бывших социалистических стран, драматичное развитие этих процессов на постсоветском пространстве актуализировали проблему развития теории институциональных изменений в результате трансплантации институтов из других систем, что подразумевает радикальные преобразования по образцам, существующим в других государствах [1, с. 202]. Необходимость исследования определяется «ограниченностью наших знаний об институциональной динамике, о путях внедрения новых социальных технологий в общество, обладающее собственными сложными институтами, в особенности же о способах обеспечения новой организации экономики» [2, с. 11].

Одним из наиболее важных является вопрос об эффективности институциональной трансплантации, ее соответствии поставленным целям. Как правило, авторы рассматривают данную проблему с экономических позиций [3–7]. Более общим является подход, основанный на использовании теории институциональных матриц [8–10], развитой в трудах Д. Норта, К. Поланьи, С. Кирдиной и др. В соответствии с данной теорией, общество представляет собой социальную систему, образованную тремя взаимосвязанными и взаимозависимыми подсистемами: экономической, политической и социокультурной. Развитие каждой из них и всей системы в целом обеспечивает сложная система институтов, в которой можно выделить *базовые* институты, определяющие направленность коллективных и индивидуальных действий и образующие *институциональную матрицу*.

В институциональной матрице *одновременно* присутствуют два основных типа институтов, взаимодействующих между собой по принципу «доминантность – компенсаторность»: редиистрибутивные и рыночные [10, р. 19]. Редиистрибутивная модель предполагает институты редиистрибуции (аккумуляции – согласования – распределения), общественно-служебную собственность, общественный / служебный труд, жалобы в виде обратной связи, институты унитарно-централизованного политического устройства и элементы коммунитарной идеологии [11]. Модель рынка – это отношения купли–продажи, частная собственность, наемный труд, прибыль как сигнальный институт, федеративные начала государственного устройства, субсидиарная идеология [9].

Процесс трансплантации институтов длительный и затрагивает все элементы институциональной матрицы, вследствие чего эмпирическую базу его исследования, как правило, составляет исторический опыт отдельных стран [12–19].

Следует отметить, что исторический процесс непрерывен. Следовательно, элементы институциональной матрицы, характерные для предыдущих эпох, не исчезают бесследно, а находят отражение в современной институциональной матрице страны [20], оказывают влияние на эко-

номический уклад, определяют менталитет народа, его политическую культуру. Соответственно, удавшиеся и неудачные институциональные трансплантации прошлого опосредованно проявляются в настоящем и будущем социума. Поэтому для всеобъемлющего понимания особенностей развития Беларуси и прогнозирования его путей в XXI веке необходим детальный анализ состояния и трансформаций институциональных матриц, соответствующих предшествующим формам белорусской государственности, в том числе ВКЛ и Речи Посполитой, в рамках которых началось формирование белорусского этноса и были заложены основы белорусской идентичности [21, с. 543; 22–23]. Эта проблема решается в настоящей работе, целью которой является выявление особенностей институциональных трансплантаций в Великом Княжестве Литовском, оценка их эффективности, значения для формирования менталитета белорусского народа и дальнейшего развития социума. Исследование базируется на институциональном подходе, дополненном сравнительно-типологическим методом анализа.

Основная часть. Институциональная матрица ВКЛ до образования Речи Посполитой обладала доминирующими базовыми институтами редиистрибутивного типа, что проявлялось, в первую очередь, в виде окончательно оформившегося при Витовте (1392–1430) централизованного государства и одаривания за верную службу из государственного фонда как основного механизма получения собственности. Столь раннее (в сравнении с западноевропейскими странами) формирование редиистрибутивных институтов было связано с особенностями ландшафтно-климатических условий (обилием болот и непроходимых лесов, неблагоприятным климатом и, как следствие, скудным прибавочным продуктом в сельском хозяйстве, сложностью поддержания транспортных коммуникаций), требовавших особого кооперативно-интегрирующего взаимодействия внутри социума, а также с наличием постоянной внешней угрозы как с Востока, так и Запада.

Однако расположение ВКЛ на цивилизационном (византийско-западноевропейском) пограничье, отсутствие зависимости этих земель от Золотой Орды обусловили формирование выраженных (в значительно большей степени, чем, например, в соседнем Московском княжестве) институтов альтернативного (рыночного) типа. Некоторые из них сохранились в ВКЛ со времен Киевской Руси (вечевые русские традиции в функционировании органов местного самоуправления), некоторые (как например, юридически закрепленная веротерпимость) были обусловлены необходимостью сохранения целостности государства, включавшего два крупных, различных в религиозном отношении региона – языческий северо-запад и земли, населенные православными христианами. Следует отметить, что веротерпимость – институт, сложившийся во времена раннего ВКЛ, – стала одной из ключевых особенностей белорусского этноса.

Географическое расположение княжества обусловило сильное экзогенное воздействие на институциональную матрицу, в эволюции которой можно выделить два этапа. Первый из них, связанный с дофедеративным периодом в истории ВКЛ, характеризуется диффузным изменением институтов, обусловленным, в первую очередь, медленной институциональной конвергенцией с Польским королевством после Кревской унии. Среди новых институтов этого этапа: Магдебургское право, с 1387 г. регулировавшее по европейскому образцу экономическую деятельность, общественно-политическую жизнь горожан, защищавшее их имущество и сословное состояние; понятие о шляхетских привилегиях, нашедшее свое символическое выражение в гербах, появившихся в ВКЛ в 1413 г.; беспрецедентная для Восточной Европы кодификация права, выраженная в Судебнике 1468 г. и Статутах 1529, 1566 и 1588 гг., содержащих ряд весьма прогрессивных для своего времени положений (о разделении властей, признании приоритета писаного права, индивидуализации ответственности).

Второй этап ассоциируется с вхождением ВКЛ в состав Речи Посполитой.

В Королевстве Польском еще до времени Кревской унии существовала более развитая, чем в ВКЛ, некоммунальная собственность. Вследствие более плодородных земель отдельные семьи были способны самостоятельно, без кооперации с другими членами общества, вовлекать части материально-технической среды в хозяйственное использование, поддерживать их эффективность и независимо распоряжаться полученными результатами. Основной же функцией государства являлась не организация, а поддержание эффективного взаимодействия между обособлен-

ными хозяйствующими и социальными субъектами. Таким образом, доминирующими в институциональной матрице Польши были рыночные институты.

Люблинская уния, объединившая на условиях федерации ослабленное постоянными внешними угрозами ВКЛ и более сильную в экономическом отношении Польшу, запустила процесс быстрого полномасштабного перенесения «слепок» польской институциональной матрицы на образовавшееся государство. Серьезные экономические преобразования рыночного типа в ВКЛ, намеченные в 1557 г. «Уставом на волокни», ускорились. Исчезла характерная для восточных славян чересполосица, а крестьянская община была фактически ликвидирована: ответственность за выполнение податей возложили не на нее, а на отдельные семьи («дымы»). Отметим, что эти преобразования на 300 лет опередили столыпинские реформы в Российской империи, направленные, в частности, на ликвидацию чересполосицы и крестьянской общины. Панские хозяйства, по польскому образцу, становились фольварками – теперь они выращивали зерно не для собственных нужд, а на продажу. Однако, что примечательно, в поле вместо вольнонаемных рабочих использовали крепостных, переведенных с характерного до этого оброка на барщину, период которой постоянно увеличивался. Подобный факт свидетельствует о мутации экономических рыночных институтов на землях ВКЛ: крестьяне, не имевшие ни времени, ни возможности производить сельскохозяйственный продукт на своих наделах, оказались исключены из товарно-денежных отношений.

Новым шагом в развитии рыночных институтов в XVIII веке стали мануфактуры. Идея их создания на государственных землях ВКЛ связана с именем гродненского старосты А. Тизенгауза. Однако подобная имплантация рыночных институтов западного образца на земли княжества имела особенность: эти предприятия были только вотчинного типа, не использовали наемный труд, причем для организации мануфактур государственных крестьян переводили на барщину, от которой они до этого были освобождены. Частные же мануфактуры не сбывали товар на рынок, а только поставляли его ко двору своего хозяина-магната, как это делала, к примеру, увековеченная в стихах Максима Богдановича Слуцкая мануфактура, производившая легендарные пояса.

Далее, в Великом Княжестве Литовском до 1569 г. право наследования осуществлялось по обычаям, зародившимся еще в Киевской Руси. Имущество, включая землю, делилось между всеми наследниками. После Люблинской унии в ВКЛ, по образцу западных стран, в среде крупных и средних землевладельцев появился майорат: недвижимое имущество стало переходить к одному человеку – старшему сыну – и не могло быть поделено. Перенесение в ВКЛ западноевропейской примогенитур стимулировало создание огромных латифундий-ординаций, которые были подобны отдельным государствам со своим налаженным хозяйством, административным аппаратом и даже войском, что явилось «институциональной ловушкой», приведшей к значительным последствиям.

Наряду с экономическими существовала трансплантация политических институтов. Однако здесь изменения были более медленными: на протяжении долгого времени имело место параллельное существование институтов дофедеративного княжества и ВКЛ в составе Речи Посполитой. В частности, по Люблинской унии, Великое Княжество Литовское сохранило основы своего государственного управления – законы (Статут 1588 г. оставался ключевым источником права на землях ВКЛ вплоть до 1840-х гг.) и административно-территориальное деление. Судебная система княжества также осталась преимущественно прежней. Несмотря на то что высшим судебным органом стал единый Сеймовый Суд Речи Посполитой, в обеих частях федерации были созданы отдельные апелляционные инстанции – Коронный Трибунал для Польши и Литовский Трибунал для ВКЛ. Кроме того, после Люблинской унии практически не реформировалась система местного самоуправления (городского в виде магистратов и шляхетского в виде сеймиков).

Какие же новые политические институты появились в институциональной матрице ВКЛ как части федеративной Речи Посполитой? Полтора столетия связанные лишь личной унией, но юридически разделенные титулы короля польского и великого князя литовского были окончательно объединены в один – короля Речи Посполитой, постоянная резиденция которого находилась в Польше. Наиважнейшим нововведением стало то, что после смерти последнего Ягеллона

в 1572 г. монархия стала выборной, в которой правитель не принимал решений без согласия двухпалатного Сейма – общегосударственного законодательного органа, принципы функционирования которого сформировались в Польше до Люблинской унии (окончательно к 1505 г.). Политическая элита и шляхта ВКЛ были широко представлены в верхней (Сенат) и нижней (Польская изба) палатах Сейма.

Вместе с тем в процессе распространения польских институтов на всю федерацию наблюдались нарушения симметрии, в частности, при интеграции ВКЛ утратило Украину; главу нового государства слабо интересовали литовские земли, которые он редко посещал, подтверждением чему стали упадок и запустение дворца великих князей литовских в Вильно; в Сенате не заседали православные и униатские митрополиты, что свидетельствовало об ущемлении прав некатолического большинства населения ВКЛ. Более того, Сейм, за редкими исключениями, собирался на территории Польши. Хотя в 1673 г. было принято решение, согласно которому каждый третий сейм Речи Посполитой должен был проходить в ВКЛ, причем в Гродно, а не в наиболее крупном и влиятельном городе княжества Вильно, и на нем маршалком (председательствующим) мог быть один из местных депутатов, на практике оно крайне редко выполнялось [24, с. 55].

Особенности политической сферы обусловили трансформацию социокультурной подсистемы институциональной матрицы ВКЛ как части Речи Посполитой. В первую очередь усилилась экспансия католицизма, размывшая характерную для ВКЛ веротерпимость. В 1573 г., в период междуцарствия, Варшавская конфедерация приняла документ о защите религиозной толерантности, рассматриваемой в качестве одной из основ государственного строительства Речи Посполитой, но католическое духовенство его не подписало, вследствие чего документ не был практически реализован. Последующие короли, хоть и пытались избежать распространения негативных проявлений западноевропейской Контрреформации, ориентировались на ограничение прав некатолического населения. Следствием их политики религиозной «гомогенизации» стали Брестская церковная уния 1596 г., исчезновение среди состоятельного сословия православных и протестантов, массовое недовольство населения, особенно на Украине, вылившееся в народные восстания XVII века, где одним из лозунгов стала «свобода вероисповедания».

Далее, из Польши в ВКЛ пришли элементы субсидиарной идеологии, в частности, идея примата свободы, которая понималась, однако, как предоставление исключительных прав только шляхте. Что касается других сословий: если в Статуте 1528 г. еще предусматривались категории свободных крестьян, то по Статуту 1588 г. какое-либо разделение крестьянства упразднено, свободных не осталось. Таким образом, в ВКЛ окончательное закрепощение крестьянства произошло на полвека раньше, чем в Московии, где это имело место по «Соборному уложению» 1649 г. Такое «опережение» относительно славянской соседки связано с трансплантацией польской модели хозяйствования. Возникшая стратификация общества – деление его на обладающих исключительными правами шляхтичей и бесправных низших сословий – обосновывалась идеологией сарматизма. Примечательно, что приобщение к «золотым вольностям» отождествлялось у литовско-белорусской шляхты с переходом в католичество и отказом от родного языка в пользу польского. Трансформация изначального двуязычия Речи Посполитой растянулась на столетие – в 1697 г. официальным государственным языком остается только польский. Следует отметить, что сословия крестьян и мещан были затронуты полонизацией в значительно меньшей мере. Таким образом, к концу XVII века границы имущественных страт практически совпали с конфессиональными и языковыми границами. Это перенесло проблему неравенства в национальную плоскость и обусловило возникновение межнациональной розни (например, между поляками и украинцами), неоднократно проявлявшейся на протяжении всех последующих столетий.

Выводы. Таким образом, интеграция в федерацию двух государств с различными доминирующими базовыми институтами привела не только к положительным эффектам, но и к мутации трансплантированных институтов. Переход к фольварочному типу хозяйства, хоть и был шагом по укреплению рыночных институтов в аграрной сфере, сопровождался «вторым изданием крепостничества», еще более закабалившим крестьянство.

Трансплантация системы наследования на земли ВКЛ явилась, по сути, институциональной ловушкой, приведшей к серьезным последствиям. Магнаты *на уровне своих ординаций* (микро-

уровне) реализовывали власть как абсолютные монархи, выстраивая ее на основе отношений redistribution, препятствовали осуществлению Магдебургского права в городах, принадлежавших их ординации. Например, крупнейшие ординаты ВКЛ Радзивиллы назначали глав магистратов, в то время как по закону те должны были избираться. Более того, ко второй половине XVII века даже шляхта, проживающая на территории ординаций, де-факто стала утрачивать свои политические права. Ее голоса на элекционном сейме автоматически засчитывались за ту кандидатуру, за которую голосовал сам ординат. Шляхта должна была служить в частном войске ордината. В то же время *на уровне государства* (мегауровне) магнаты использовали рыночные институты (демократические свободы, заложенные в основу политической системы Речи Посполитой, – *liberum veto*, право на конфедерацию) для усиления своего могущества. Невиданный размах приобрел подкуп шляхетских депутатов Сейма, каждый из которых мог сорвать принятие любого решения, просто не согласившись с ним. Это обусловило уменьшение эффективности работы Сейма (в течение 1652–1763 гг. были распущены без принятия решений или сорваны 53 сейма Речи Посполитой [25, с. 609]) и, как следствие, расшатывание политической власти.

Государство ослаблялось также асимметрией взаимоотношений экономически более сильного Королевства Польского и ВКЛ.

Нагиск католицизма в социокультурной сфере подорвал сохранявшуюся со времен первых литовских князей веротерпимость, привел к неведомым до Люблинской унии межконфессиональным конфликтам и обусловил закрепление на территории ВКЛ цивилизационного раскола.

В результате конфликта институтов на микро- и мегауровнях, между подсистемами институциональной матрицы и институциональными моделями возник *кризис*. Для его разрешения должно было быть вмешательство эффективного государства. Речь Посполитая могла распространить шляхетские привилегии на другие сословия, отменить крепостное право и превратиться в буржуазную республику наподобие голландской Республики Соединенных провинций. Речь Посполитая могла урезать шляхетские привилегии и запустить процесс централизации государства, что и предлагалось сделать в Конституции 3 мая 1791 г. Однако затяжное бездействие властей обусловило третий вариант выхода из кризиса – гибель Речи Посполитой в результате вмешательства внешних акторов.

Таким образом, исторический опыт ВКЛ свидетельствует о том, что образование интеграционного союза социумами с различным типом доминирующих институтов представляет для этих социальных систем точку бифуркации. Следствием подобной интеграции является трансплантация институтов экономически более сильного государства на других участников объединения. При отсутствии управления этим процессом со стороны эффективно функционирующего государства трансплантация институтов происходит в виде заимствования фрагментов социально-экономических структур других стран. В результате формируются мутировавшие, относительно работоспособные «квазиинституты», по выражению Г. Б. Клейнера, более *протезы*, чем *трансплантанты* [3], обуславливающие возникновение кризиса, который в условиях разобщенности политических элит может привести к распаду всей системы.

Список использованных источников

1. Олейник, А. Н. Институциональная экономика : учеб. пособие / А. Н. Олейник. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 415 с.
2. Эггертссон, Т. Экономическое поведение и институты / Т. Эггертссон ; пер. с англ. М. Я. Каждана ; науч. ред. пер. А. Н. Нестеренко. – М. : Дело, 2001. – 407 с.
3. Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем = Evolution of institutional systems / Г. Б. Клейнер. – М. : Наука, 2004. – 239 с.
4. Майорова, И. М. Условия успешного заимствования институтов / И. М. Майорова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 6 (221). – С. 44–48.
5. Мальгин, В. А. Импорт институтов и критерии оценки его эффективности / В. А. Мальгин // Актуал. проблемы экономики и права. – 2007. – № 1 (1). – С. 31–36.
6. Фомичев, О. В. Импорт институтов и оценка его эффективности [Электронный ресурс] / О. В. Фомичев. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/3782665-pall.html>. – Дата доступа: 01.05.2020
7. Рождественская, И. А. Импорт институтов и диффузия идей / И. А. Рождественская, В. Л. Тамбовцев // Журн. экон. теории. – 2019. – Т. 16, № 3. – С. 468–479. doi 10.31063/2073-6517/2019.16-3.14

8. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. – М. : Фонд экон. книги «Начала», 1997. – 180 с.
9. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию / С. Г. Кирдина. – Изд. 3-е, перераб., расш. и ил. – М. ; СПб. : Нестор-История, 2014. – 467 с.
10. Polanyi, K. *The livelihood of man (studies in social discontinuity)* / K. Polanyi. – New York : Academic Press, 1977. – 280 p.
11. Борщ, Л. М. Концепция институциональной организации общественных отношений редирибутивной и рыночной экономик / Л. М. Борщ // Актуал. проблемы гуманитар. и естеств. наук. – 2015. – № 8-1. – С. 144–151.
12. Бессонова, О. Э. Контрактный раздаток и солидаризм – новая веха российской матрицы / О. Э. Бессонова // Мир России. Социология. Этнология. – 2019. – Т. 28, № 1. – С. 7–31. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-7-31>
13. Булетова, Н. Е. Институциональные основы развития российских регионов: интерпретация XXI века / Н. Е. Булетова, Г. В. Кузубецкая, Е. В. Лебедева // *Euror. Social Science J.* – 2015. – № 5. – С. 20–28.
14. Елисеев, С. М. Модернизация российского общества в контексте теории институциональных матриц / С. М. Елисеев // Полит. экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2011. – Т. 7, № 3. – С. 38–49.
15. Ксензова, В. Э. Особенности эволюции и современного состояния институциональной среды экономики Беларуси в контексте концепции X-матрицы / В. Э. Ксензова, С. В. Ксензов // Журн. институцион. исслед. – 2013. – Т. 5, № 1. – С. 145–156.
16. Лубский, А. В. Институциональная матрица естественного государства и социальный порядок в России / А. В. Лубский // Полит. концептология : журн. метадисциплинар. исслед. – 2016. – № 4. – С. 114–123.
17. Лученок, А. И. Совершенствование институциональной матрицы белорусской экономической модели / А. И. Лученок // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 102–112.
18. Чернецова, Н. С. Структура современной институциональной матрицы / Н. С. Чернецова, Г. В. Теплов // Вестн. Самар. муницип. ин-та упр. – 2013. – № 4 (27). – С. 117–125.
19. Шапкин, И. Н. Институциональная матрица России в контексте проблем глобализации / И. Н. Шапкин, Н. О. Воскресенская // Век глобализации. – 2016. – № 4 (20). – С. 100–114.
20. Матвеев, А. А. Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России / А. А. Матвеев // Управленч. консультирование. – 2019. – № 4 (124). – С. 107–113. [10.22394/1726-1139-2019-4-107-113](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-4-107-113)
21. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / [рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш.] – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – Т. 2 : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага. – 685 с.
22. Марзалюк, І. А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.) / І. А. Марзалюк. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2003. – 321 с.
23. Сохранение национальной идентичности белорусского общества: прошлое, настоящее : материалы Респ. науч. конф., Барановичи, 21 апр. 2016 г. / Баранов. гос. ун-т ; редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.) [и др.]. – Барановичи : БарГУ, 2016. – 253 с.
24. Лойка, П. А. Рэалізацыя акта Люблінскага сойма 1569 г. у гістарычнай рэчаіснасці другой паловы XVI – пачатку XVII ст. / П. А. Лойка // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1921–2001 : у 7 т. / рэд. савет: А. У. Казулін (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – Т. 2 : Гісторыя. Філалогія. Журналістыка / рэдкал.: А. А. Яноўскі (адк. рэд.) [і інш.]. – С. 52–64.
25. Радаман, А. Сойм / А. Радаман // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск, 2007. – Т. 2. – С. 606–611.

References

1. Oleinik A.N. *Institutional economics*. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 415 p. (in Russian).
2. Eggertsson T. *Economic behavior and institutions*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 385 p.
3. Kleiner G. B. *Evolution of institutional systems*. Moscow, Nauka Publ., 2004. 239 p. (in Russian).
4. Maiorova I. M. Conditions of successful borrowing of institutions. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 6 (221), pp. 44–48 (in Russian).
5. Mal'gin V. A. Import of institutions and criterions for its efficiency. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*, 2007, no. 1 (1), pp. 31–36 (in Russian).
6. Fomichev O. V. *Import of institutions and estimation of its efficiency*. Available at: <https://refdb.ru/look/3782665-pall.html> (accessed 01.05.2020) (in Russian).
7. Rozhdestvenskaya I. A., Tambovtsev V. L. Import of institutions and diffusion of ideas. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Russian Journal of Economic Theory*, 2019, vol. 16, no. 3, pp. 468–479 (in Russian). <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-3.14>
8. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge, Cambridge University Press, 1990. 152 p. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511808678>
9. Kirdina S. G. *Institutional matrices and development of Russia: introduction in X-Y theory*. 3rd ed. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2014. 467 p. (in Russian).
10. Polanyi K. *The livelihood of man (studies in social discontinuity)*. New York, Academic Press, 1977. 280 p.

11. Borshch L. M. The concept of the institutional organization of public relations in redistributive and market economies. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 2015, no. 8-1, pp. 144–151 (in Russian).
12. Bessonova O. E. Contractual razdatok (redistribution) and solidarism: a new milestone in the Russian institutional matrix. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology*, 2019, vol. 28, no. 1, pp. 7–31 (in Russian). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-1-7-31>
13. Buletova N. E., Kuzibetskaya G. V., Lebedeva E. V. Institutional framework of Russian regions: interpretation of the XXI century. *European Social Science Journal*, 2015, no. 5, pp. 20–28 (in Russian).
14. Eliseev S. M. Modernization of the Russian society in context of institutional matrices theory. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political expertise: POLITEX*, 2011, vol. 7, no. 3, pp. 38–49 (in Russian).
15. Ksenzova V. E., Ksenzov S. V. The features of evolution and modern condition of the institutional environment of Belarus economy in the X-matrix context. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*, 2013, vol. 5, no.1, pp. 145–156 (in Russian).
16. Lubsii A. V. The institutional matrix of the natural state and the social order in Russia. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy = The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*, 2016, no. 4, pp. 114–123 (in Russian).
17. Luchenok A. I. Improvement of institutional matrix of Belarusian economic model. *Ekonomicheskaya nauka segodnya: sbornik nauchnykh statei [Economic science currently: collected articles]*. Minsk, 2016, iss. 4, pp. 102–112 (in Russian).
18. Chernetsova N. S. Modern institutional matrix structure. *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya = Bulletin of Samara Municipal Institute of Management*, 2013, no. 4 (27), pp. 117–125 (in Russian).
19. Shapkin I. N., Voskresenskaya N. O. Institutional matrix of Russia in context of the globalization problems. *Vek globalizatsii = Age of Globalization*, 2016, no. 4 (20), pp. 100–114 (in Russian).
20. Matveev A. A. Application of the theory “path dependence” in the study of institutional transformations in Russia. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*, 2019, no. 4 (124), pp. 107–113 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-4-107-113>
21. *History of Belarus. Vol. 2. Belarus of the age of Grand Duchy of Lithuania*. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 2008. 685 p. (in Belarusian).
22. Marzalyuk I. A. *People of ancient Belarus: ethnic confessional and sociocultural stereotypes (X–XVII centuries)*. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University, 2002. 321 p. (in Belarusian).
23. *Memorizing the national identity of Belarusian society: the past, and the present: processings of Republic scientific conference, Baranovichi, 2016, 21 April*. Baranovichi, Baranovichi State University, 2016. 253 p. (in Russian).
24. Loika P. A. Realization of the 1569 Lublin Seim Act for historical reality of the second part of the XVI century and beginning of the XVII century. *Vybranyya navukovyya pratsy Belaruskaga dzyarzhavnaga universiteta, 1921–2001. T. 2. Gistoryya. Filalogiya. Zhurnalistyka [Selected scientific papers of Belarusian State University, 1921–2001. Vol. 2. History. Philology. Journalism]*. Minsk, 2001, pp. 52–64 (in Belarusian).
25. Radaman A. Seim. *Vyalikae Knyastva Litouskae: entsyklopedyya [Grand Duchy of Lithuania: encyclopedia]*. Minsk, 2007, vol. 2, pp. 606–611 (in Belarusian).

Информация об авторе

Бархвостов Павел Александрович – кандидат политических наук, доцент. Белорусский государственный экономический университет (пр. Партизанский, 26, 220070, Минск, Республика Беларусь). E-mail: barakhvostov@yandex.by

Information about the author

Pavel A. Barakhvostov – Ph. D. (Polit.), Associate Professor. Belarusian State Economic University (26 Partizanski Ave., Minsk 220070, Belarus). E-mail: barakhvostov@yandex.by